Песни о сыне (сынке) Степана Разина

1.

Как во славном было городе, во Вастракани,
Появился там детинушка незнаем человек,
Как незнаемой детинушка, неведомой откуль.
Баско щепетно по Вастракани погуливает,
Уж он штапам афицерушкам не кланяется,
Вастраканскому губернатору челом ему не бьет.
А сапоженки на ножках шелком та̀ченыи,
Черная шляпа на кудрях и перщатки на руках.
А й свой тот вишневой кафтан на одном плечи таскал,
И как персидской кушачок во белых руках держал.
Как увидел молодца, губернатор скрычал:
«Вы сходите, приведите удалого молодца».
Еще стал-то губернатор его спрашивати:
«А ты скажись, скажись-ко, детинушка, незнаем человек,
Из тиху ли ты Дону казак, аль казачей сын,
Аль ты с нашего крепкого города, из Вастракани».
Как проговорит детинушка, незнаем человек:
«Из тиху-то я Дону не казак, не казачей сын,
Я не с вашего крепкого города, а из Вастракани.
Я со Камы-то со реки, Стеньки Разина сын,
Посулился мой-то батюшко завтра в гости к нам быть,
Вы умейте-тко моего батюшка кормить его поить,
Вы кормить его, поить и честно жаловати».
Вастраканьскому губернатору не слюбилися словеса.
«Еще есть ли то при мне, а слуги верны при собе,
Вы сведите-тко молодца в белокаменну тюрьму».
Взяли-брали молодца за желтыи волоса,
Повели его, молодца, в белокаменну тюрьму,
Сверху вниз было по матушки по Камы по реки,
Что й по Камы по реки легка лодка пловет,
Как на той-то легкой лодке атаман воровской сидит,
Атаман воровской сидит, Стенька Разин тот сын,
«Еще что-то мне, братцы, робятушка, тошным стало тошно,

Мне тошным стало тошно и тошнешенько;
Вы подайте-тко воды с-под правый с-под руки».
И над водой-то Сенька волховал и воду взад выливал:
«Видно, мой тут ведь сынок, а сидит в белокаменной тюрьме,
Приворачивайте, робята, ко крутому бережку,
Уж мы стену разобьем, а и тюрьму по каменю разнесём
И вастраканьского губернатора в полон к собе возьмем,
И вастраканьскую губернаторшу в наложницы».

2.

Что и во городе, во Астрахани,
Тут чудился-проявился
Во незнамый, братцы, человек, (2)
Чисто щепетно
Мальчик по городу разгуливает,
Он разгуливает, молодец,
А во черной бороде;
На нем кафтанчик на распашечку,
На распашечку мальчик идет (2)
Хирсовый кушачок на его на правых плечах;
Белевые чулочки на его резвых ногах;
Сафьян-сапожки на его на белых чулках;
На нем черная шляпа
Только с пазументом
На его русых на кудрях.
Он ни князем, ни боярам
Не кланялся никому,
Астраханским купчикам
Он челом, мальчик, не бьет;
Астраханскому губернатору
Он под суд к нему, мальчик, нейдет,
Увидал же только губернатор,
Детинушку, его из окна:
Только вышел губернатор
На крашеный славный крылец;
Закричал же губернатор
Своим вышним голосом:

«Ой вы, слуги, мои слуги,
Слуги верные мои,
Вы подите приведите
Удалого молодца».
Закидались, заметались
Слуги верные его
По трактирам, по кабакам,
По питейным домам;
Захватили молодца близ
Царева кабака;
Привели молодца
Губернатору прямо на двор.
Поставили молодца
Подле красного крыльца,
И вышел губернатор
На свой славный крылец:
Стал расспрашивать губернатор
Детинушку его одного:
«Ты скажи, скажи, детинушка,
Всю правду про себя,
Да чьего рода, из которого города,
И сколько тебе лет?
И питерский аль московский,
Аль астраханский ты купец?»
«Ни питерский, ни московский,
Ни астраханский я купец.
Ни тебе, губернатор,
Меня опрашивать, молодца;
Я купец, только из огненной реки,
Стеньки Разина я сынок».
И закричал губернатор
Своим вышним голосом:
«Слуги верные мои!
Эк вы подите, его отведите
В новокаменну тюрьму».—
«Ах, новокаменна тюрьма,
Синя крепушка моя,
Ах, как откроется весна,
Придет батюшка скосна,

Придет новый батюшка скосна,
Новокаменну тюрьму
По камешкам всю разберет, (2)
Да все невольничек распустит».
Как открылася весна красна,
Пришел батюшка воскосна, (2)
Новокаменну мою тюрьму
Все по камешкам разобрал, (2)
Все невольничек распустил.

3.

Був колись на Украіні славний козак Гарасим, такий, як Максим Залізняк або козак Нечай. Як настала недобра година, Гарасима кілька раз сажали за камінні стіни, в тюрьму, але славний Гарасим завше пробирав стіни й втікав. Він війська не мав, а як тільки свисне, то набіжить козаків зо всіх сторін!

От Гарасим як втік уже може в десятий раз з каторжноі тюрмы, зибрав козаків и пішов в Рассею, бо Украіна зі всіх сторін тоді була вже занята, а вперед Гарасим пустив свого сына, щоб распізнав тіх людей и ту сторону…

Проявився дитинушка, незнакомий чоловік;
Він не заходить по Калугі, по калуінськім мужикам,
Він почав дитинушка в кабаку гулять
И про себе пісьню запівать…
Губернатор, узнавши об іму, велів его привести:
«Ех, вы, слуги, вы, лакеі вірніі моі,
Идіте, приведіте мужика
З пишного кабака!
Скуль ты, дитинушка, скуль ты родом, чоловік?
Чи ты з Дону козак, чи ты козацький сын?»
«Я не з Дону козак, я не козацький сын;
Мий батько хоче у вас в гостях бувать,
Знайте ж, як мого отця приймать».
Разсердився губернатор на вдалого молодця:
«Ех, вы, слуги, вы вірніі, возьміте козака!
Засадить ёго в тюрму, за каменну стіну».
«Якая ваша тюрма: каменна чи кирпичная?
Мы вашу тюрму по кирпичу розберем,

И вашого губернатора в полон візьмом!»

Гарасимів сын, кепкуючи над губернатором, як туйнув ёго, то вси вікна в губернаторському дворцё потріскались. Гарасимів сын ишов весело в тюрму, бо добре знав, що отець его в скорім часі прибуде и висвободить:

Ище не світ, ище не світ,
Красну лотушку видать!
Красну лотушку звидав,
Отец до ёго прибував.

4.

Во славном городе, во Астрахани
Проявился детинушка, незнам человек.
Щедро, шепетко по городу погуливат.
Черну шляпу с позументом носит на одном ухе.
Рытого бархату кафтанчик носит на одном плече,
Изарбацкую опояску во руках концы.
(Небывалыми словесы похваляется)
«Астраханскими купцами я не знаюся,
Астраханскому губернатору я не кланяюсь!»
Привелося добру молодцу итти вдоль по улице,
Довелося добру молодцу зайти во царев кабак,
Открывает он двери на пяту,
Закрывает он крепко-накрепко.
«Ах, ты гой еси, целовальничек доверенной!
Открывай ты потребы глубокие,
Доставай ты мне цельнаго спирту на пятьсот рублей,
А с товарищами на три тысячи!»
Говорит тут целовальничек доверенной:
«Что это, братцы, за питух пришел, за горькой пьяница?»
У дверей в углу стояла голь кабацкая.
«Что ты, целовальничек доверенной, ошибаешься!
Не питух тебе пришел, не горькой пьяница,
По всей нашей Руси родовой казак».
Тут спроговорил Незнамушка:
«Пей, гуляй, голытьбушка, на мой на счет».
Привелося добру молодцу итти опять вдоль по улице

Мимо той ли канцелярии губернаторской.
Увидал то из окошка губернатор наш,
Тут вскричал он, заревел он зычным голосом.
«Вы подите, приведите мне Незнамушку!»
Тут пошли и привели ему Незнамушку.
Отпирает он двери на пяту,
Закрывает двери крепко-накрепко,
Он кланяется на все четыре стороны
(Губернатору и губернаторше на особице).
Губернатор у него стал выспрашивати:
«Царь ли ты, царевич, или царской сын,
Король ли ты, королевич, королевской сын?»
У дверей в углу стояла голь кабацкая.
«Ах ты, батюшка наш, ты ошибаешься!
Пришел тебе не царь, не царевич и не царской сын.
Не король, не королевич, королевской сын.
По всей нашей Руси родовой казак (православной царь)
Под названием Петр Алексеевич!»
Говорит Незнамушка голи кабацкой:
«Чем тебя я, голытьбушка, пожалую,
Генералом ли, адмиралом ли, тайным советником?
Принимай ты, генералушка, дома и казну!»
Говорит тут Петр Алексеевич:
«На приходе добра молодца не потчевал,
На уходе добра молодца не учествовал,
Заутра с тобой, собакой, переведаюсь!»

5.

Во славном было во городе во Астрахани,
Появился тут детинушка, незнаем человек,
Незнаем, незнакомый из новых городов.
Он по городу детинушка погуливает,
Плисовый кафтан на распашечку таскает,
Синий шелковый кушак на правом плече,
Старая шляпа пуховая на бойной голове,
Он по городу детинушка погуливает,
Он военным услужителям челем парень не бьет,

А гражданским обывателям не кланяется,
Астраханскому губернатору под суд нейдет,
Под суд нейдет, головы не гнет.
Услыхал наш губернатор про удалого молодца:
«Уж вы слуги, слуги верные мои,
Вы подите, приведите удалого молодца».
Как схватили молодца среди Волги реки,
Среди Волги реки, на царевом кабаке;
Еще начал губернатор его строго спрашивати:
«Ты откуль, скажи, детинушка, незнаем человек,
Ты казанец, аль рязанец, или астраханец,
Ты из-за моря, купец иль купеческий сынок?»
«А не тебе ли, губернатор, строго спрашивати,
Да не мне ли, добру молодцу, ответ держать;
Я со матушки со Волги, со Камы реки,
Атамана Сеньки Разина сын;
Хотел-то мой батюшка сюды в гости побывать,
Не уметь тебе встретить, уметь подчивати,
Уметь подчивати, низко кланятися».
Что за эти слова да посадили молодца,
Не далече, далече в белокаменну тюрьму.
Что по матушке по Волге, по Камы реки,
Легка шлюпочка скорёшенько плывет,
Что во этой легкой шлюпке Сенька Разин атаман:
«Вы подайте-ка, ребятушки, с правой руки воды,
Как во славном во городе во Астрахани,
Мое дитятко посажено сидит;
Погребайте-ка, ребятушки, по Волге реке!
Я гражданскому губернатору не стану челом бить,
Челом бить да кланятися,
Я гражданского губернатора в полон сейчас возьму,
А своего дитятко к себе возьму,
Астрахань-город в огонь спущу.

(Зап. в г. Мезени бывш. Студ. Петроградского У-та Л. М. «Материалы по Этнографии русского населения Архангельской губернии», собранных П. С. Ефименко, ч. 2, с. 52)

6.

Откуль взялся-проявился незнамый человек,
Он частым-часто по городу похаживает,
Черноплисовой кафтан да за един рукав таскал;
Сорывань[с]кой кушачок да в его белых руках,
Церна шляпа с брусаментом на его желтых кудрях.
Она [он] шефам офицерам не кланеитсе;
Востраканьскому губернатору целом он не отдает,
Он целом не отдает, да все под суд его нейдет.
Взяли-брали молотьця да на царевы кабаки;
Становили молотьця да против белого крыльця, пром1 губернацкого лица.
Стал губернатор выспрашивати,
Стал выспрашивати да стал выведывати:
«Ты скажи, скажи, детинушка, незнамой целовек;
Уж ты со Дону казак или казацькой сын?
Ты казанец, ли рязанец, али вастроканец?»
Как ответ, держит, детинушка, незнамой целовек:
«Я не со Дону казак да не козацькой сын,
Не казанец, не реканец, я не вострозанец;
Я со Ка́мы со реки да Сеньки Разин сын;
Мой-от батюшка хотел да к тобе в гости побывать, —
Ты умей его встрецять да умей цестовати,
Умей цостовати да умей подчовати».
Посадили молотця да белокамянны тюрьмы.
Що со Камы со реки да со самой горьней стороны
Тут и был выплывал воров[с]кой атаман,
Вороськой атаман да Сенька Разин сам.
Он спрогов[ор]ил-спромолвил да ка[к] в тубу струбил:
«Ишше што мне, ребятушка, тошным мне тошно,
Мне тошным-тошно да пособить не́мошно?
Зацерпните-тко воды да со правой стороны,
Вы подайте-тко мне воды да из правой из руки:
Верно, верно, да мой сыноцек во неволюшки сидит,
Во неволюшки сидит да в белокаменной тюрьмы;
Уж вы гряньте-тко, ребята, да вниз по Ка́мы реки,
Вниз по Камы по реки да к белокаменной тюрьмы;
Белокаменну тюрьму да всю по камню розберу,
С востроканьского губернатора с жива кожу сдеру».
Ище грянули ребята да вниз да по Камы по реки,

Вниз по Камы по реки да к белокаменной тюрьмы.
Белокаменну тюрьму да всю по камню разобрал,
С востроканского губернатора с жива́ кожу сдирал.

(Записана в 1900 году А. Д. Григорьевым в Пинежском уезде в д. Почезерье от крестьянки М. П. Пашковой. «Архангельские былины и исторические песни», А. Д. Григорьев, 1904.)

7.

Негде взялся-проявился да тут незнамой человек.
Он цестым-цесто по городу похаживает.
Черной бархатной кафтан да он за един рукав таскал;
Полос[т]астой кушачек во его белых руках,
Черна шляпа с брусаментам на его русых кудрях.
Он веть шефам-офицерам не кланитьсе
И астраканскому губернатору челом не отдаёт.
И увидал тут молотца да губернатор со дварца.
Призывал тут молотца к своему красну крылу:
«Ты скажи, скажи, детинушка, незнамой человек;
Ты ли со Дану казак или казацкой сын?
Ле казанец, или резанец, или а́страканец?»
Тут ответ держит да детинушка, незнамо[й] чалавек:
«Не казанец я, не резанец я, не астраканец, —
Я со Камы да со реки, Стеньки Разина я сын!
Мой батюшка-родитель хочет в гости к тебе побывать, —
Ты умей его стречать да умей потцевати,
Умей потцевати, умей ты цёстовати!»
Ишше те ему слова да за беду ему пали:
Посадил тут молодца да в белокаменну тюрьму.
Вниз по Камы по реке да плывёт лодочка грузна;
Що во эфтой-то да лодке воровской тут атаман,
Воровской-от атаман да Сенька Разин-от сам.
Он спрогов[ор]ил-спромолвил, как в трубу вос[т]рубил:
«Ишше што мне-ка, ребятушка, тошным-тошно,
Как тошным-то мне тошно да пособить-то неможно́?
Да зацерпните мне да воды да со правой стороны,
Мне подай[те]-тко воды да ис правой руки;
Верно знать, що мой [сын] во победности сидит,

Во победности сидит да [в] белокаменной тюрьме!..
Вы взгляньте-ко, ребята, да вниз по Камы по рек[е],
Вниз по Камы по реке да к Астракану-городу,
К Астракану-городу да к белокаменной тюрьме:
Белокаменну тюрьму всю по камню разберу,
С астраканскаго губернатора с жива кожу сдеру!»
Белокаменну — всю по камню да розберал,
С астраканскаго губернатора с жива кожу сдерал.

(Зап. в 1900 году А. Д. Григорьевым в Пинежском уезде в с. Веегоры от кр. Е. Г. Некрасова.)

8.

Ай да во славном-то во Казани, ой во Ястрахани,
Появился тут, да просветилса чуж-незнаем-человек,
Ай да баско-де, хорошо-де он по городу похаживает,
Ай да чернобархатной на ем кафтан, да на распашоцьку доржал,
Ай да изорванцят-то новой кушачек да по белым грудям да везал,
Ай да с бурзументом его черна шляпа на жолтых его кудрях,
Ай да новобраны его перчаточки, ай да на белых руках держал,
Ай да што зелен-то сафьян его сапожки, ай да на резвых его ногах.
Ай да баско-хорошо-де ен по городу спохаживает,
Ай да не штофам, он не ефицерам он не кланяитсе,
Он гражданьскому-то губернатору, он челом ему не бьет.
Как увидел его да губернатор со своего крыльця,
Он да начал-почал его губернатор зычно спрашивати:
«Ты откуль-же, какой-же ты, детинушка, незнаем человек?
Ой да ты казанец, ты-ле нонь резанец, ты-ле астраханец?»
А да отвечает ему детинушка-незнаем человек:
«Не казанець я-то, не резанець, я не астраханець,
Я со матушки-то я со Камы, Стеньки Разина сынок.
Ой да по утру-то раным-ранешенько хотел батько спобывать,
Ой да умей тогда гостя встрецеть, умей потчовати».
Ай да как за эти-ти его словеса да посадили молодца,
Ай да што во са́ди-то, во поса́ди, в белокаменну тюрьму.
Ай да што сидит-то молодеч да не печалуитсе:
Ай да што по ютру-ту раным раненько плывет шлюпоцька сверху,
Ай да на кормы-то сидит хозяин, ой да Сенька Разин атаман.

(Записана Н. Е. Ончуковым в 1901 г., в с. Устьцыльме от кр. П. Р. Поздеева. «Печорские былины», № 30, С.-Пб. 1904.)